ЗАПРОС
о проверке конституционности положений п. «и» ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», в редакции Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

I. ТОЧНОЕ НАЗВАНИЕ, НОМЕР, ДАТА ПРИНЯТИЯ, ИСТОЧНИК ОПУБЛИКОВАНИЯ ЗАКОНА, КОНСТИТУЦИОННОСТЬ ПОЛОЖЕНИЙ КОТОРОГО ПОДЛЕЖИТ ПРОВЕРКЕ.

Федеральный закон Российской Федерации от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (далее — ФЗ о ФСБ) вступил в силу 10 апреля 1995 г., со дня его официального опубликования в Собрании законодательства РФ от 10 апреля 1995 г., № 15, ст. 1269. Текст ФЗ о ФСБ был также опубликован в Российской газете от 12 апреля 1995 г., № 72.

Изменения в подлежащие проверке на конституционность положения п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ были внесены Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ № 130-ФЗ), который вступил в силу 5 мая 2014 г., со дня его опубликования на официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru (также опубликован в Российской газете № 101 от 7 мая 2014 г.).

При этом именно внесение изменений в подлежащие проверке на конституционность положения п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ посредством ФЗ № 130-ФЗ и явилось основанием для обращения Заявителей в КС РФ с настоящим Запросом.

II. НАИМЕНОВАНИЕ И АДРЕС ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ, ИЗДАВШИХ ЗАКОН, КОНСТИТУЦИОННОСТЬ ПОЛОЖЕНИЙ КОТОРОГО ПОДЛЕЖИТ ПРОВЕРКЕ.

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации (103265, г. Москва, ул. Охотный ряд, д. 1), принявшая ФЗ о ФСБ 22 февраля 1995 г.

Президент Российской Федерации (г. Москва, Кремль), подписавший ФЗ о ФСБ 3 апреля 1995 г.

III. НОРМЫ КОНСТИТУЦИИ РФ И ФКЗ «О КС РФ», ДАЮЩИЕ ЗАЯВИТЕЛЯМ ПРАВО НА ОБРАЩЕНИЕ В КС РФ. ОБОСНОВАНИЕ ДОПУСТИМОСТИ НАСТОЯЩЕГО ЗАПРОСА В КС РФ.

3.1. Конституционный Суд Российской Федерации (далее также КС РФ) согласно п. «а» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ разрешает по запросу 1/5 депутатов ГД РФ дела о соответствии Конституции РФ федеральных законов.

В соответствии со ст. 84 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ *«Правом на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности указанных в статье 125 (часть 2) Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними обладают Президент Российской Федерации, Совет Федерации, Государственная Дума, одна пятая членов (депутатов) Совета Федерации или депутатов Государственной Думы, Правительство Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, Высший Арбитражный Суд Российской*

Федерации, органы законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации» (здесь и далее все выделения и подчеркивания в цитатах сделаны Заявителями).

Настоящий Запрос подается от имени [●] депутата ГД РФ (далее также Заявители), т.е. более чем от 1/5 депутатов ГД РФ, и соответственно подлежит рассмотрению в КС РФ.

3.2. В соответствии со ст. 85 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее также ФКЗ о КС РФ) *«Запрос в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности нормативного акта органа государственной власти или договора между органами государственной власти либо отдельных их положений допустим, если заявитель считает их не подлежащими действию из-за неконституционности либо подлежащими действию вопреки официально принятому решению федеральных органов государственной власти, высших государственных органов субъектов Российской Федерации или их должностных лиц об отказе применять и исполнять их как не соответствующие Конституции Российской Федерации»*.

Как показано ниже, Заявители считают указанные ниже в разделе IV настоящего Запроса положения ФЗ № 130-ФЗ не подлежащими действию ввиду их неконституционности. Как следствие, настоящий Запрос является допустимым к рассмотрению в КС РФ.

Таким образом, КС РФ **не вправе** отказать в рассмотрении настоящего Запроса как недопустимого, и должен рассмотреть поставленные в нем вопросы по существу.

Иной подход означал бы:

1) нарушение со стороны КС РФ прямого указания в ст. 85 ФКЗ о КС РФ об условии допустимости Запроса (*«если заявитель считает…»*);

2) недопустимую и преждевременную подмену мнения Заявителей мнением КС РФ, принятым на предварительном этапе без необходимого исследования по существу всех поставленных перед КС РФ вопросов, т.е. на ненадлежащей процессуальной стадии (первоначальная предварительная процессуальная стадия конституционного судопроизводства подменяла бы собой ненадлежащим образом последующую, надлежащую стадию);

3) нарушение прав Заявителей как депутатов ГД РФ (представителей законодательной власти) и как особых субъектов конституционного судопроизводства;

4) нарушение такой основы конституционного строя РФ, как разделение властей и их самостоятельность (ст. 10 Конституции РФ). Так, если мнение Заявителей как представителей законодательной власти является самостоятельным и они приводят в его поддержку доводы по существу, то такое мнение может быть признано неосновательным только после его всесторонней оценки и приведения самим КС РФ контрдоводов по существу.

3.3. При этом КС РФ при решении вопроса о допустимости конституционной проверки закона *«в соответствии с частью второй статьи 3 Федерального конституционного закона „О Конституционном Суде Российской Федерации“ решая исключительно вопросы права, должен воздерживаться от рассмотрения вопросов социально-политической или экономической целесообразности, руководствуясь требованиями статьи 10 Конституции Российской Федерации о самостоятельности органов законодательной, исполнительной и судебной власти»* (Постановление КС РФ от 5 июля 2001 г. № 11-П).

Соответственно, настоящий Запрос подлежит рассмотрению в КС РФ исключительно по поставленным в нем вопросам конституционного права, невзирая на любые возможные социально-политические моменты по поводу целесообразности / нецелесообразности такого рассмотрения.

Таким образом, КС РФ **не вправе** отказать в рассмотрении настоящего Запроса как недопустимого и ему следует рассмотреть поставленные в нем вопросы по существу.

IV. ПОЛОЖЕНИЯ ФЗ О ФСБ, ПОДЛЕЖАЩИЕ ПРОВЕРКЕ НА ПРЕДМЕТ ИХ КОНСТИТУЦИОННОСТИ.

4.1. По мнению Заявителей, п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ **противоречит** конституционному принципу правовой определенности, что также влечет нарушение принципов равенства, справедливости и верховенства закона, закрепленных в ст. 2, ст. 18, ч. 1 ст. 19, ч. 1 ст. 45, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

4.2. В силу того, что основанием к оспариванию положений п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ явилось внесение в них изменений посредством ФЗ № 130-ФЗ далее по тексту в качестве оспариваемого положения указан п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ, в редакции ФЗ № 130-ФЗ.

V. НАРУШЕНИЕ П. «И» Ч. 1 СТ. 13 ФЗ О ФСБ, В РЕДАКЦИИ ФЗ № 130-ФЗ, КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ, А ТАКЖЕ РЯДА КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА.

5.1. Нарушение принципа правовой определенности.

В соответствии с п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ, в редакции ФЗ № 130-ФЗ, органам ФСБ предоставлены полномочия *«и) проверять у лиц документы, удостоверяющие их личность, осуществлять их личный досмотр и досмотр находящихся при них вещей, если имеются достаточные основания подозревать их в совершении административных правонарушений или преступлений, производство либо дознание или предварительное следствие по которым отнесено законодательством Российской Федерации к ведению органов федеральной службы безопасности, а также досмотр транспортных средств и находящихся в них грузов при подозрении, что они используются в целях совершения указанных административных правонарушений или преступлений»*.

По мнению Заявителей, закрепленное в указанной норме регулирование, как с сущностной точки зрения, так и с формальной, противоречит конституционному принципу правовой определенности по следующим основаниям.

5.1.1. Отсутствие определенности о статусе процессуальных действий, предусмотренных в п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ, в редакции ФЗ № 130-ФЗ.

Новая редакция п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ наделяет сотрудников ФСБ новыми полномочиями, ранее не предусмотренными законодательством РФ. Так, сотрудники ФСБ смогут осуществлять личный досмотр лиц, досмотр находящихся при них вещей, при подозрении в совершении этими лицами административных правонарушений и преступлений, а также досмотр транспортных средств и находящихся в них грузов при подозрении, что они используются для совершения таких административных правонарушений и преступлений.

Указанные новые полномочия сотрудников ФСБ представляют собой отдельные процессуальные действия, сущность и содержание которых должны раскрываться в актах процессуального законодательства РФ, в частности, в:

1) Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ);

2) Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ).

Если обратиться к названным актам, то можно заметить, что сущность и содержание таких процессуальных действий, как «личный досмотр», «досмотр вещей, находящихся при физическом лице», «досмотр транспортных средств», раскрывается лишь в КоАП РФ (п. 3 ч. 1 ст. 27.1, ст. 27.7, ст. 27.9), но не в УПК РФ. Применительно к обозначенным процессуальным действиям, в УПК РФ используются иные понятия: «личный обыск подозреваемого» (ст. 93), «обыск» (ст. 182) и «осмотр» (ст. ст. 176—178).

Однако по смыслу нового регулирования, содержащегося в ст. 1 ФЗ № 130 «личный досмотр», «досмотр вещей, находящихся при физическом лице», «досмотр транспортных средств» могут производиться не только при совершении лицом административного правонарушения, но и при совершении преступления.

В результате возникает правовая неопределенность в вопросе, как соотносятся перечисленные в п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ, в редакции ФЗ № 130-ФЗ, процессуальные действия с нормами УПК РФ, и какими нормами процессуального законодательства должны руководствоваться сотрудники ФСБ при проведении таких процессуальных действий в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступления.

Более того, Заявители также обращают внимание КС РФ, что новые полномочия органов ФСБ, закрепленные в оспариваемом п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ, в редакции ФЗ № 130-ФЗ, в частности право проводить «личный досмотр» и «досмотр вещей, находящихся при физическом лице», являясь по своему характеру и преследуемым целям оперативно-розыскными мероприятиями, не обозначены как таковые в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Таким образом, терминология, используемая в оспариваемой норме, не согласуется с терминологией, используемой в смежном законодательном регулировании, что подтверждает несоблюдение законодателем принципа правовой определенности при введении новых полномочий органов ФСБ.

Так, КС РФ уже неоднократно подтверждал важность принципа правовой определенности закона, который обеспечивает, в том числе, соблюдение принципа верховенства права (см., к примеру, Постановление КС РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П).

Законодатель при регулировании тех или иных правоотношений обязан соблюдать принцип правовой определенности, и прежде всего требование формальной определенности закона.

Как отмечает КС РФ, *«при регулировании общественных отношений федеральный законодатель связан конституционными принципами равенства, справедливости и соразмерности, из которых вытекают требования формальной определенности, ясности, четкости, непротиворечивости правового регулирования, взаимной согласованности предметно связанных между собой норм различной отраслевой принадлежности, а также адекватности, разумной достаточности и пропорциональности используемых правовых средств»* (Постановление КС РФ от 13 мая 2014 г. № 14-П, аналогично в Постановлениях от 25 апреля 1995 г. № 3-П, от 23 декабря 1997 г. № 21-П, от 23 февраля 1999 г. № 4-П, от 21 апреля 2003 г. № 6-П, от 2 марта 2010 г. № 5-П, от 14 мая 2013 г. № 9-П).

Тем не менее, п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ, в редакции ФЗ № 130-ФЗ, закрепивший полномочия органов ФСБ проводить «личный досмотр», «досмотр вещей, находящихся при физическом лице», «досмотр транспортных средств», **нельзя назвать** формально определенным, ввиду, прежде всего, неясности, нечеткости и несогласованности понятийного аппарата, использованного законодателем в оспариваемой норме.

Наличие правовой неопределенности в оспариваемой норме п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ, в редакции ФЗ № 130-ФЗ, влечет необходимость, и даже обязанность, КС РФ проверить такую норму на конституционность.

5.1.2. Отсутствие определенности в вопросе о порядке применения мер, предусмотренных в п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ, в редакции ФЗ № 130-ФЗ.

Оспариваемая норма п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ, в редакции ФЗ № 130-ФЗ, закрепляя за органами ФСБ право проводить отдельные процессуальные действия в отношении лиц, подозреваемых в совершении административных правонарушений или преступлений, не предусматривает, в каком порядке такие процессуальные действия должны осуществляться.

При рассмотрении вопроса о проведении в отношении лица такого процессуального действия, как «личный досмотр» КС РФ отметил, что *«…необходимость личного досмотра должна быть подтверждена указанием как на правовые, так и на фактические основания его проведения, а ход и результаты — письменно фиксироваться, с тем чтобы лицу, в отношении которого проводится личный досмотр, была обеспечена возможность судебной проверки законности и обоснованности соответствующих действий»* (Определение КС РФ от 6 марта 2008 года № 428-О-П).

Однако норма п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ, в редакции ФЗ № 130-ФЗ, не содержит какого-либо указания на то, как и в каком порядке будут проводиться органами ФСБ предусмотренные в ней процессуальные действия, будут ли фиксироваться результаты таких действий, и в целом, будут ли такие действия осуществляться в рамках закона.

По мнению Заявителей, указание в законе на наличие права осуществлять определенное действие в отношении физических лиц, но отсутствие указание на то, что такое право должны реализовываться в предусмотренном законом порядке, свидетельствует о несоответствии такого закона требованию правовой определенности. Данный вывод применим и к оспариваемой п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ, в редакции ФЗ № 130-ФЗ.

Сделанный Заявителями вывод не является беспочвенным ввиду того, что другие законы РФ, применительно к аналогичным правам органов государственной власти, содержат указание на порядок, в соответствии с которым должны быть проведены конкретные процессуальные действия.

Так, в законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», предусмотрено право полиции *«осуществлять в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях, личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, а также досмотр их транспортных средств при наличии данных о том, что эти граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры либо ядовитые или радиоактивные вещества, изымать указанные предметы, средства и вещества при отсутствии законных оснований для их ношения или хранения; принимать участие в досмотре пассажиров, их ручной клади и багажа на железнодорожном, водном или воздушном транспорте, метрополитене либо осуществлять такой досмотр самостоятельно в целях изъятия вещей и предметов, запрещенных для перевозки транспортными средствами* (пп. 16 п. 1 ст. 13).

Таким образом, в законе «О полиции» ясно и недвусмысленно определен порядок проведения досмотра граждан, досмотра находящихся при них вещей, а также досмотра их транспортных средств — административный порядок.

Аналогичное указание на порядок проведения процессуальных действий в оспариваемом п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ, в редакции ФЗ № 130-ФЗ, отсутствует. Отсутствие такого указание свидетельствует о несогласованности установленного регулирования с принципом определенности, а также создает почву для произвола со стороны органов ФСБ (см. ниже в п. 5.2).

Как указал КС РФ *«самого по себе нарушения требования определенности правовой нормы, влекущего ее произвольное толкование правоприменителем, достаточно для признания такой нормы не соответствующей Конституции Российской Федерации»* (Постановление от 20 декабря 2011 г. № 29-П).

Таким образом, нарушение принципа определенности при наделении органов ФСБ правом осуществлять закрепленные в п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ, в редакции ФЗ № 130-ФЗ, полномочия, является **достаточным основанием**, для признания оспариваемой нормы неконституционной.

5.1.3. Отсутствие определенности в вопросе о порядке применения мер, предусмотренных в п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ, в редакции ФЗ № 130-ФЗ, при совершении лицом преступления.

В свете того, что п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ, в редакции ФЗ № 130-ФЗ, наделяет органы ФСБ правом проводить указанные в нем процессуальные действия, в том числе, при подозрении лица в совершении преступления, отсутствие указаний на УПК РФ, как источник, закрепляющий порядок проведения таких процессуальных действий, добавляет еще больше неопределенности в оспариваемые положения. Так, в соответствии с УПК РФ лицо, подозреваемое в совершении преступления, должно быть для начала задержано, и только после к нему должны быть применены такие процессуальные действия, как «личный обыск подозреваемого» (ст. 93), «обыск» (ст. 182) и «осмотр» (ст. ст. 176—178). При этом само по себе задержание подозреваемого лица может быть осуществлено только на основаниях, закрепленных в ч. ст. 91 УПК РФ, т.е.:

«1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;

2) когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление;

3) когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления».

При наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении им преступления, оно может быть задержано только если это лицо попыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо его личность не установлена, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 2 ст. 91 УПК). Иных же правил поведения с лицом, подозреваемым в совершении преступления, УПК РФ не предусматривает.

Однако отсутствие в оспариваемом положении п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ, в редакции ФЗ № 130-ФЗ, хоть какого-либо указания на порядок совершения закрепленных в нем процессуальных действий, в том числе, указания на УПК РФ (при этом нужно учитывать, что такое указание было бы возможным лишь при согласованности терминологии в оспариваемом положении (см. выше п. 5.1.1)), создает правовую неопределенности в вопросе алгоритма действий органов ФСБ при подозрении лиц в совершении преступлений, подведомственных органам ФСБ.

5.2. Нарушение, ввиду неопределенности регулирования, принципов равенства, справедливости и верховенства закона.

По мнению Заявителей, неопределенность и несогласованность содержания нормы п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ, в редакции ФЗ № 130-ФЗ, отсутствие указания на порядок реализации органами ФСБ закрепленных за ними полномочий, предоставляют последним неограниченное нормами закона усмотрение в ее применении, а также лишает граждан возможности с достаточной четкостью предвидеть правовые рамки осуществления органами ФСБ предоставленных им полномочий, что, в конечном счете, приводит к нарушению ряда конституционных принципов.

Как указал КС РФ, *«неточность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного его применения, что противоречит конституционным принципам равенства и*

справедливости, из которых вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования; в противном случае может иметь место противоречивая правоприменительная практика, что ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан» (Постановления от 15 июля 1999 г. № 11-П, от 27 мая 2003 г. № 9-П и от 27 мая 2008 г. № 8-П).

«[Н]еопределенность содержания правовой нормы не может обеспечить ее единообразное понимание, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, может привести к нарушению принципов равенства и верховенства закона» (Постановление от 20 декабря 2011 г. № 29-П).

Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) в своем Постановлении от 6 декабря 2007 г. (Дело «Лю и Лю (Liu and Liu) против Российской Федерации») отметил, что *«закон должен быть составлен в достаточно ясных формулировках, чтобы дать гражданам надлежащее представление об обстоятельствах и условиях, при которых органы государственной власти имеют право прибегать к оспариваемым мерам. Кроме того, внутригосударственное законодательство должно предоставлять средство правовой защиты от произвольного вмешательства властей в права, гарантированные Конвенцией. В вопросах, затрагивающих основополагающие права человека, было бы нарушением принципа верховенства права — одного из основных принципов демократического общества, гарантированных Конвенцией, — формулировать дискреционные полномочия органа исполнительной власти в терминах, свидетельствующих о неограниченных возможностях. Следовательно, закон должен устанавливать пределы такой свободы усмотрения компетентных властей и способ его осуществления с достаточной ясностью, учитывая законную цель рассматриваемой меры, чтобы предоставить лицу надлежащую защиту от произвольного вмешательства в его права».*

Тем не менее, оспариваемая норма п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ, в редакции ФЗ № 130-ФЗ, не отвечает тем требованиям качества закона, о которых говорит ЕСПЧ. По мнению Заявителей, оспариваемая норма, ввиду неясности и двусмысленности используемой терминологии (см. выше п. 5.1.1), а также отсутствия указания на порядок реализации полномочий, возложенных на органы ФСБ (см. выше п. 5.1.2—5.1.3), создает почву для свободы усмотрения при ее применении, и не гарантирует лицам надлежащую защиту от вмешательства в их права. *«Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации… равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями. Неопределенность содержания законодательного регулирования, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит — к нарушению принципов равенства и верховенства закона. Приведенная правовая позиция имеет общее значение для всех сфер законодательного регулирования…»* (Постановление КС РФ от 17 июня 2004 № 12-П).

Более того, как не раз отмечал КС РФ, *«…в случаях, когда несогласованность, неполнота, пробельный характер правового регулирования приводят к коллизии правовых норм и столкновению реализуемых на их основе конституционных прав, вопрос об устранении такого противоречия приобретает конституционный аспект и, следовательно, относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации»* (Постановление КС РФ от 13 мая 2014 г. № 14-П, аналогично в Постановлениях от 25 апреля 1995 г. № 3-П, от 23 декабря 1997 г. № 21-П, от 23 февраля 1999 г. № 4-П, от 21 апреля 2003 г. № 6-П, от 2 марта 2010 г. № 5-П, от 14 мая 2013 г. № 9-П).

В результате, по мнению Заявителей, неопределенность содержания оспариваемой нормы п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ, в редакции ФЗ № 130-ФЗ, приводит, в том числе, к

нарушению конституционных принципов равенства, справедливости и верховенства закона, закрепленных в ст. 2, ст. 18, ч. 1 ст. 19, ч. 1 ст. 45, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

При этом устранение возникших противоречий, как указал сам КС РФ, приобретает конституционный аспект, и в такой ситуации **только КС РФ** может разрешить вопрос о конституционности оспариваемой нормы п. «и» ч. 1 ст. 13 ФЗ о ФСБ, в редакции ФЗ № 130-ФЗ. О чем его и просят Заявители.

VI. ПРОСЬБА, ОБРАЩАЕМАЯ К КОНСТИТУЦИОННОМУ СУДУ РФ.

На основании всего изложенного Заявители просят Конституционный Суд РФ: **признать не соответствующими конституционному принципу правовой определенности, принципам равенства, справедливости и верховенства закона, закрепленных в ст. 2, ст. 18, ч. 1 ст. 19, ч. 1 ст. 45, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ положения пп. «и» ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности»**.